

Абель Поссе: я специально выбираю героев-неудачников

Коммерсантъ. — 2003 — 15 июля — с. 13.

ВИЗИТ литература

В Москве побывал один из самых знаменитых писателей Латинской Америки 64-летний аргентинец Абель Поссе. Он представил два своих новых исторических романа «Долгие сумерки путника» и «Пражские тетради», переведенных на русский язык. Автор 12 романов, нескольких сборников стихов и эссе, посол Аргентины в Испании АБЕЛЬ ПОССЕ ответил на вопросы АНДРЕЯ ЗАХАРЬЕВА.

— Ваши герои — исторические личности. По какому принципу вы их выбираете?

— Меня интересуют люди, через образы которых я могу говорить о современных проблемах. Например, герой «Долгих сумерек путника» — известный испанский конкистадор Альвар Нуньес Кабеса де Вака, который участвовал в экспедиции Фернандо Нарваэса, но потерпел кораблекрушение и выплыл на берег Флориды без еды и одежды. Библия утонула, дорогая шпага тоже. Его окружили индейцы, и он решил, что сейчас они его съедят, как предвещала монархическая пропаганда. Они же, напротив, ему помогают, и он в течение восьми лет путешествует по Америке. По-моему, это очень символично, что конкистадор избавляется от навязанных Европой предрассудков.

— А что вы нашли в образах Эвы Перон и Че Гевары?

— Мой соотечественник Эрнесто Гевара тоже в своем роде потерпел кораблекрушение. Для меня это интереснейшая личность, буквально ренессансного масштаба. Я не писал о Геваре, чтобы воспеть социализм в каком-то его варианте. Я взял Гевару вне политики и хотел последовать примеру Макиавелли, который так описывал Чезаре Борджиа или короля Фердинанда. Гевара создал свое этическое измерение, его вера в то, что явно не могло получиться, была несколько нелепа. Но мы живем в скучном обществе, которое превращает нас в тех, кем мы не хотим быть. Вот и Че выбрал себе роль Дон Кихота своего времени, хотя мог бы им не быть. А Эва Перон очень похожа на Гевару. С молодых лет она ставила перед собой задачу улучшить мир, но выбрала для этого посредственную идеологию. Зато она вложила в свое дело страсть, как и Че Гевара. Если вы подумаете, что я специально выбираю героев-неудачников, то будете правы. Потому что люди, которые с триумфом добиваются чего-то, ничему не учатся на своих удачах.

— О Че Геваре существует масса книг, фильмов, зачем надо было еще раз тревожить его прах?

— Как известно, прежде, чем отправиться совершать революцию в Боливии, Че пять месяцев тайно жил в Праге. Этот факт в большинстве биографий не освещен, да к тому же Гевара везде вел записи, а «Пражских дневников» не было. Когда я работал в Праге, я случайно вышел на свидетелей пребывания Че в столице Чехословакии. Когда коммунистический режим пал, всплыли кое-какие документы и очевидцы, которые мне дали бесценный материал. Кроме того, я трижды ездил на Кубу и встретился там со всеми, кто был с Че в последнее время. Таки



АЛЕКСАНДР САВЕРКИН

появился повод создать эти самые «Пражские дневники», в которых я и попытался раскрыть настроения команданте в те дни. Ведь уже тогда Че понимал, что социализм утратил свою мощь, что осталась только внешняя оболочка. Но он хотел попытаться революциями в Латинской Америке зажечь движения других стран. Он настолько был уверен в победе, что даже готов был обманывать самого себя. Очевидцы рассказывали, что во время тренировок в парке под Прагой он даже делал вид, что его не мучает астма и что не нужен ингалятор.

— Вальтера Скотта в свое время обвиняли в том, что в его романах не было понятно, где заканчивается правда и где начинается вымысел. Как бы вы ответили на такое обвинение?

— Я думаю о романе прежде всего как об истории. Я стараюсь быть объективнее, но я не пишу, чтобы воссоздать жизнь. У меня чисто литературный подход. Через роман я пытаюсь дискутировать. Европейское сознание попадает в Америку, оно пытается как-то влиять на туземный разум. К тому же история Латинской Америки до сих пор не дописана. Ее писали разные священники, случайные путешественники, и почти всегда эта история рассматривалась европейскими глазами. А это субъективно, узко и подвластно монархическим и религиозным правилам. Писатели Латинской Америки, тот же Маркес, Карпентьер, всегда боялись и боялся попасть в канкан истории. Все пытаются создать глубже и по-своему взглянуть на происходящее.

— Более тридцати лет назад вы работали в Москве. Как вы себя чувствуете, вернувшись сюда?

— В 60-е годы я жил здесь жизнью молодого дипломата. Я приехал как в один из двух центров мира, приехал в поисках Достоевского и новой культурной революции. И более того, здесь я написал свой первый роман, который считал публикуемым. До этого я ничего не писал, стеснялся. А тут вдруг решил задаться вопросом о революционном поколении Европы и о его кризисе. Роман я послал в Испанию, и он победил на литературном конкурсе в Барселоне. Тогда его по политическим причинам не могли издать в Испании, но позже мне это удалось. А Москва с тех пор для меня не какой-то проходной двор, а самое интимное место моей жизни. К тому же здесь когда-то родился мой сын.